

материала. И у каждого, чувствующего свой класс, на плечах—чаша, наполненная полынными слезами, взбунтованной радостью, надеждами преобразовать весь мир. Иного материала мы не знаем. Да и обрабатывать его мы не могли бы... Стиль—это класс... Человек—образ, вычеканенный классом... Писать мы будем так, как подсказывать будет сам материал, сама жизнь рабочего класса, которая отпечатывается на нас помимо нашей воли и при ее помощи". Удивительно совпадают эти слова с тем, что пишет в "Современном обозрении", Ноябрь, 1922 г. № 2, датский писатель Мартин Андерсон-Нексэ: "Дания может похвалиться такой сильной и осознающей свою цель социальной литературой. Не подлежит сомнению, что датская литература ваших дней менее "артистична", чем литература окружающих стран, в ней больше сочувствия к угнетенным, она стала человечнее. Произошло это, бесспорно, под влиянием социальных писателей. Пролетариат и страждующие — вот, вообще, главная современная тема и для буржуазных писателей Дании. Людей же, признающих искусство для искусства, у нас больше нет". С одной стороны, мы наблюдаем устремление поэзии к заумному языку, музыке слов, живописности образов, — устремления, приведшие поэтическое ис-

кусство к тупику; с другой, искание нового содержания и выражения,—что создает своеобразную революцию в искусстве слова.

Чем скорее будет понято назначение слова, тем раньше литература выйдет, из темницы формы, на большую творческую дорогу изображения жизни, масс, их страстей, ясных и простых идей, и, тем самым, будет развивать и расширять свой диапазон, как в области содержания, так и формы, а, вместе с тем, будет вдохновлять и направлять борьбу за лучшее будущее к скорейшему завершению.

Отживающее слово—звук,—образ (и больше ничего) должно быть заменено словом—мыслью, в котором будут иметь выражение не только эстетические эмоции, крайне индивидуальные и присущие редким гениальным одаренным натурам, богатым воображением, а слово—мысль, комплекс неотвязчивых и бурных мыслей о задачах современности, о путях и средствах их разрешения о новом творческом созидании и строительстве.

Немыслимо существование искусства вне содержания и интересов материального мира. Слово-мысль-материя должно являться лозунгом нашего сегодня и завтра.

Я. А. Назаренко.

Старый студент.

(Из воспоминаний старого студента).

Я хочу напомнить читателям о старых студентах, при чем под старыми студентами я разумею студентов в эпоху перед революцией 1905 г. Мне пришлось быть студентом Петербургского Университета с 1900 по 1908 г.г. на двух факультетах: историко-филологическом и юридическом. Признаться, вспоминаю об этом времени с величайшим удовольствием. Думаю, уцелевшие мои товарищи по университету (т.т. Кузьмин, Энгель и др.) вполне поймут меня. И, действительно, какая несокрушимая вера в революцию, без малейших сомнений, наполняла нас и заставляла проявлять необычайную энергию и

решимость во всех наших предприятиях. Взять хотя бы наши студенческие сходки. Ведь, смешно сказать, в нашей с.д. группе приблизительно в 1903 г. находилось всего каких-нибудь 20 человек. И эта-то маленькая кучка в сущности вела за собой огромную студенческую массу в несколько тысяч. Да и как вела, какое создавала боевое настроение. Недаром один из ректоров, явившийся на сходку запретить ее, так был смущен, что рука, державшаяся за ус, явно для всех нас дрожала, и лишь он раскрыл рот, как на него грозно со всех сторон набросились с криками: "вон, негодяй" и т.п., а позднее мы узнали, что несчастный даже по наследству получил отцовский бюстфорт!

шатнулся в уме. Сходки проходили образцово, президиум всегда был наш и свободно проводил необходимую нам резолюцию. А знаменитые студенческие демонстрации на Невском проспекте, у Казанского собора, которые привлекали тысячные толпы, запружившие проспект. И вдруг эффектно взвивается красный флаг, летят задорно в толпу прокламации, наспех произносятся революционные речи, затем, чтобы в следующий момент дорого заплатить за минутный успех, ибо из соседних дворов, на засады быстро выскакивает конная жандармерия, полиция, казаки, и вся эта сволочь с нагайками и пашками набрасывается на студентов, начинает ее бить и давить лошадыми, на смерть забивая и калеча молодежь, попавшую им под руку. Крики, стоны, ругань несутся со всех сторон, и толпа в панике разбегается в боковые улицы. Многие из нас попадали в тюрьмы и в ссылку и все было как с гуся вода. А наши студенческие вечеринки, в зале на Серпуховской, служившие подготовкой перед демонстрацией. Я помню на одной из них дебатировался вопрос о том, идти ли вооруженными на демонстрацию или нет. Это были экстраординарные вечеринки. Как мы стремились попасть на них, кажется, ценою жизни готовы были достать заветный билетик, чтобы проникнуть на тайную вечеринку и там, затаивши дыхание, следить за дискуссией, переживая ее всеми фибрами своей души, а затем, укрывшись в укромную аудиторию, петь чудные студенческие песни, которые в наше время, к сожалению, уже не услышишь: лихую «Нагаечку», веселую «Как наш Трепов генерал всех жандар-

мов собирал» и т. п. Правда, такую массовую солидарность, беззаветность, самопожертвование и энергию студенчество проявляло лишь до 1905 г., когда на смену студенческому и интеллигентскому движению пришло массовое рабочее движение, которое сразу отодвинуло студентов на задний план. Студенчество в массе сыграло свою роль, ибо революционное движение приобрело всероссийский масштаб с пролетариатом во главе. А все же в наше время, когдаходишь в унылые стены Петроградского университета или иных высших учебных заведений, в стенах которых пришлось в молодости так много пережить и перечувствовать, так и хочется с горечью крикнуть: «Вы, нынешние, нутка». А казалось бы, теперь то, когда вливаются в эти молчаливые стены волны пролетарской молодежи, вновь жизнь должна забить ключом. Ведь революция, которой мы так долго ждали, она пришла и ставит перед нами бесчисленное количество жгучих вопросов и никто не мешает нам их решать. Видно, наше пролетарское студенчество чувствует себя гостем в стенах ВУЗ'ов и подавленное негостеприимством реакционеров профессоров, как будто боится развернуться во всю ширь. И хочется сказать им — дорогие товарищи, смелей! Встряхните свои захирелые часто коллективы, побольше веры в свое дело и пусть покажет нам свою мощь новое пролетарское студенчество и создаст новую, более красивую, чем раньше, студенческую жизнь, при новых, более благоприятных условиях, созданных Великой Пролетарской Революцией.

К. Жортовский.

